

УДК 821.134.3-31(81)
ББК 84(7Бра)-44
К76

Перевод с португальского *А. Богдановского*
Серия: «*Лучшее от Пауло Коэльо*»
Оформление обложки *Екатерины Елькиной*
Серия «*Проза Пауло Коэльо*»
Дизайн серии: *Alceu Chiesorin Nunes*
Оформление обложки *Анастасии Чаругиной*

Коэльо, Пауло.

К76 Ведьма с Портобелло / Пауло Коэльо; пер. с португ.
А. Богдановского. — Москва: Издательство АСТ,
2019. — 351, [1] с.

ISBN 978-5-17-077946-8 (Лучшее от Пауло Коэльо)

ISBN 978-5-17-114062-5 (Проза Пауло Коэльо)

«Ведьма с Портобелло» — это история таинственной женщины по имени Афина. О ней и о ее жизни рассказывают несколько человек, кто-то знал ее хорошо, кто-то не знал вовсе.

Это одна из тех книг, что меняют наши представления о любви, страсти, радости и жертвенности.

УДК 821.134.3-31(81)
ББК 84(7Бра)-44

Книга издана с разрешения
Sant Jordi Asociados, Barcelona, SPAIN
Originally published as *A Bruxa de Portobello*
by Paulo Coelho

www.paulocoelho.com
www.paulocoelhoblog.com

Все права охраняются, включая право на полное или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме.

Copyright © 2006 by Paulo Coelho
© Богдановский А., перевод, 2006
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*П*освящается S.F.X., который,
подобно солнцу, одаривал нас
при своем появлении светом и теплом
и который был примером для тех,
кто мыслит шире
своих горизонтов.

Пресвятая Дева, без греха зачавшая,
моли Бога о нас,
а не постыдимся в уповании на Тебя.

Никто, зажегши свечу,
не ставит ее в сокровенном месте,
ни под сосудом, но на подсвечнике,
чтобы входящие видели свет.

Евангелие от Луки 11:33

Прежде чем эти свидетельства, покинув мой письменный стол, последуют судьбе, которую я для них избрал, мне хотелось использовать их как основание для традиционной, тщательно проработанной биографии, где излагается абсолютно реальная история.

В надежде, что это мне поможет, я стал читать биографии разных людей, но в результате осознал: точка зрения биографа оказывает сильнейшее воздействие на результат его исследований. И поскольку я намеревался не донести до читателя собственное мнение, а показать историю «ведьмы с Портобелло» глазами действующих лиц, то в конце концов забросил первоначальную идею книги, сочтя, что лучше будет просто записать все, что рассказали мне очевидцы.

Хирон Райан,
44 года, журналист

Никто не зажигает свечу, чтобы таить ее за дверью, ибо свет затем и существует, чтобы светить, открывать людям глаза, показывать, какие вокруг чудеса.

Никто не приносит в жертву свое величайшее сокровище, имя которому — любовь.

Никто не вверяет свои мечты в руки тех, кто способен их уничтожить.

Только Афина.

Через много лет после того, как она умерла, прежняя ее наставница попросила меня съездить с нею вместе в шотландский город Престопанс. Там в соответствии с феодальным законом — месяц спустя его признают утратившим силу — была объявлена амнистия восьмидесяти одному человеку (а равно их ко-

Ведьма с Портобелло

там и кошкам), казненным по обвинению в колдовстве с XVI по XVII век.

Официальный представитель баронов Престонгрейндж и Долфинстоун заявил, что «преступление большинства не было доказано, и суды выносили смертные приговоры, беря на веру показания свидетелей обвинения, уверявших, будто ощущают присутствие злых духов».

Не стоит, конечно, ворошить былое и поминать ужасы инквизиции с ее пыточными камерами и кострами, которые разожжены были ненавистью и местью. Но по дороге Эдда несколько раз повторила, что есть в помиловании нечто такое, чего она принять не в силах: городские власти и 14-й барон Престонгрейнджский и Долфинстоунский, извольте ли видеть, «простили» зверски убитых людей.

— На дворе — XXI век, а наследники и потомки настоящих преступников, на совести которых гибель ни в чем не повинных жертв, считают себя вправе «прощать» их. Ну да ты сам знаешь, Хирон.

Да уж, мне ли не знать... Набирает силу новая охота на ведьм, но на этот раз действовать предпочитают не раскаленным железом, а насмешкой и глумлением. Каждый, кто, случайно открыв в себе дар, осмеливается упомянуть о нем, сталкивается с недоверием. А муж, жена, отец, сын этого человека, вместо того чтобы гордиться им, обычно запрещают ему говорить о своей таинственной способности, потому что боятся травли.

Раньше, до знакомства с Афиной, я полагал, что все это — не более чем бесчестный способ извлечь выгоду из отчаянья, столь присущего человеческому существу. Отправившись в Трансильванию снимать документальный фильм о вампирах, я намеревался показать, как легко обмануть людей, ибо суеверия, сколь бы нелепы ни были они, глубоко укоренились в душе человеческой и используются бессовестными манипуляторами. Когда я осматривал замок Дракулы, восстановленный лишь для того, чтобы туристам казалось, будто они находятся в некоем особом месте, мне устроили встречу с одним правительственным чиновником, который намекнул, что, если фильм покажут по Би-би-си, я получу, как он выразился, «значительный» подарок. В глазах этого клерка я способствовал распространению мифа, я подчеркивал его непреходящую ценность и, стало быть, вправе был рассчитывать на щедрую награду. По словам гида, количество туристов возрастает из года в год, и полезно любое упоминание об этих местах — пусть даже одни твердят, что замок — это декорация, а другие — что Влад Дракула был историческим персонажем, не имеющим ни малейшего отношения к мифу, а третьи — что все это вообще родилось в больном воображении некоего ирландца (*Брэма Стокера*. — *Прим. ред.*), никогда в жизни не бывавшего здесь.

И в этот самый миг я отчетливо понял, что, как бы строго ни отбирал я факты и ни ратовал за правду, все

Ведьма с Портобелло

равно невольно буду способствовать упрочению лжи; и даже если цель моего фильма — лишить это место ореола легенды, люди по-прежнему будут упрямо верить тому, во что хотят верить. И прав этот гид: по сути, я делаю рекламу. И тогда я отказался от проекта, хотя уже успел вложить в него немалые деньги.

Однако поездка в Трансильванию, скажу без преувеличения, перевернула мою жизнь — там я встретил Афины, разыскивавшую мать. Судьба, столь же непредсказуемая, сколь и неумолимая, свела нас лицом к лицу в весьма непрезентабельном холле второго-третьего этажа. Я присутствовал при ее первом разговоре с Дейдрой — или Эддой, как она любит себя называть. Я, словно бы со стороны, наблюдал, как мой разум вел с сердцем заранее обреченную на поражение борьбу ради того, чтобы не дать мне увлечься женщиной, которая не принадлежала к моему миру. Я рукоплескал, когда сердце выиграло эту схватку, после чего мне не осталось ничего иного, как сдаться и предаться охватившей меня страсти.

И благодаря этой страсти я увидел обряды и ритуалы, о которых до сей поры даже не подозревал, присутствовал при двух материализациях, самолично наблюдал, как впадают в транс. Считая, что любовь застит мне глаза, я сомневался в истинности происходящего, но вместо того, чтобы вогнать меня в столбняк, сковать и обездвижить, сомнения гнали меня к тем океанам, чье существование я прежде не мог даже допустить. Именно эта сила приходила мне

на выручку в трудные минуты, помогала противостоять цинизму других журналистов и писать об Афине и ее работе. А теперь, хотя Афины уже нет, любовь все еще жива, и сила ее остается прежней. Но всей душой я мечтаю только об одном — забыть то, что увидел и чему научился. Ибо в том мире я мог плыть, лишь держась за руку Афины.

Это были ее сады, ее реки, ее горы. Теперь ее нет, и я остро нуждаюсь в том, чтобы все как можно скорей стало таким, как раньше; я всерьез займусь внешней политикой Великобритании, проблемами уличного движения, нерациональным использованием взимаемых с граждан налогов. Я хочу вновь увериться в том, что мир магии — не более чем умело придуманный и хорошо подготовленный трюк. Что люди склонны к суевериям. Что явления, которые не могут быть объяснены наукой, не имеют права на существование.

В ту пору, когда начались большие неприятности из-за ритуалов на Портобелло-роуд, мы часто спорили о том, как ей следует вести себя, но сейчас я рад, что она никогда не слушала меня. Когда теряешь дорогого тебе человека, утешением в этой трагедии способна послужить лишь зыбкая, но столь необходимая надежда на то, что, может быть, — все к лучшему.

И я засыпаю и просыпаюсь с этой уверенностью: хорошо, что Афина ушла прежде, чем спустилась в преисподнюю этого мира. С того времени как события стали выстраиваться в историю, которая могла

Ведьма с Портобелло

бы называться «Ведьма с Портобелло», она бы уж никогда не сумела обрести душевный мир. И остаток своей жизни наблюдала бы за мучительным столкновением своих сокровенных мечтаний с нашей общей действительностью. Зная ее натуру, не сомневаюсь, что она боролась бы до конца, тратя свою веселую силу на попытки доказать то, во что никто, никогда, ни за что бы не поверил.

И не исключено, что она искала смерти, как потерпевший кораблекрушение ищет островок в океане. И, вероятно, подолгу стояла глухой ночной порой на станциях метро, ожидая нападения — а его так и не последовало. И бродила в самых опасных кварталах Лондона, подставляясь под нож убийцы — а он так и не появился. Она пыталась навлечь на себя ярость сильных — но тщетно.

Но однажды все же преуспела в своем намерении — и была зверски убита. Но, в конце концов, скольким из нас не довелось увидеть, как то, что составляет важнейшую часть нашей жизни, исчезает, улетучивается с каждой прожитой минутой? Я имею в виду не только нас, людей, но и наши идеи и мечты. Можно сопротивляться день, неделю, несколько лет, но в итоге мы все равно обречены на потерю. Плоть остается жива, а душа рано или поздно получит смертельный удар. Да, это идеальное преступление, ибо мы никогда не узнаем, кто убил радость нашего бытия, по каким мотивам, и где скрывается виновный.

А они, эти виновные, не открывающие своих имен, сознают ли они, что делают? Пожалуй, что нет, ибо и они тоже становятся жертвами ими же творимой действительности, и не важно, подавлены ли они или дерзки, бессильны или могущественны.

Они не понимают и никогда не поймут мир Афины. Да это ведь только так говорится — «мир Афины». Приходится признать, что она оказалась здесь *проездом*, словно по чьему-то одолжению, и так, будто жила в роскошном дворце, ела диковинные яства, но при этом сознавала: это всего лишь праздник, дворец — чужой, и не на ее деньги куплены эта изысканная снедь, и придет час — погаснут огни, хозяйева лягут спать, слуги разойдутся по своим комнатам, двери закроются, а мы снова окажемся на улице, ожидая, когда такси или автобус вернет нас в наше убогое повседневье.

Я возвращаюсь. Верней сказать — какая-то часть меня возвращается в тот мир, где значение имеет лишь то, что мы видим, осязаем и можем объяснить. Я снова хочу получать штрафы за превышение скорости, стоять в очереди к окошку банка, хочу жаловаться на вечную нехватку времени, смотреть фильмы ужасов и гонки «Формулы-1». Вот она — вселенная, с которой суждено мне сосуществовать до конца дней моих: я женюсь, у меня будут дети, и прошлое отодвинется в дальнюю даль, станет полузабытым воспоминанием, чтобы в конце заставить меня спра-

Ведьма с Портобелло

шивать: как мог я быть таким слепцом, как мог я быть таким наивным?

А еще я знаю, что, когда придет ночь, другая часть моего существа отправится блуждать в пространстве, вступая в контакт с вещами не менее реальными, чем пачка сигарет или стакан джина передо мной. Моя душа будет танцевать с душой Афины, я пребуду с нею во сне, а проснувшись в холодном поту, пойду на кухню выпить воды и пойму: чтобы вступать в схватку с призраками, надо использовать вещи, которые не являются частью действительности. И тогда, последовав совету деда, я положу открытую бритву на прикроватный столик — будет чем перерезать продолжение сна.

На следующий день взгляну на бритву не без раскаянья. Но делать нечего: надо снова привыкать к этому миру, а иначе я потеряю рассудок.